

ИНВАЛИДЫ.

(Окончаніе 1).

V.

Зейдлицъ.—Философія Кондратія Ивановича.—Приготовленіе къ торжеству.—Насынайко.

Копьевъ вернулся домой подь гнетущимъ впечатлѣніемъ бесѣды съ своячницей и разказа Вартанова о встрѣчѣ съ неизвѣстнымъ. У него сомнѣнія не было. Конечно, этотъ незнакомецъ никто другой, какъ сынъ жены Копьева отъ Гилерсона. «Что это облава на меня? Какой-то черный призракъ сталъ преслѣдовать»... Мелькало у него въ головѣ.

Однако времени терять нельзя было. Старикъ отправился къ Софѣ Михайловнѣ, попросилъ устроить на завтра къ двѣнадцати часамъ угощеніе и затѣмъ поспѣшилъ дать знать Тарасу Петровичу, Суровцеву и Зейдлици. Надо было торопиться съ завѣщаніемъ. Богъ знаетъ прійдется-ли вернуться съ войны, а тогда, въ случаѣ его смерти, сынъ Гилерсона явится законнымъ наследникомъ.

Зейдлица Копьевъ засталъ, несмотря на ранній даже и для Кутана часъ для отхода ко сну, въ одномъ бѣльѣ. Дома онъ нерѣдко такъ щеголялъ цѣлый день. Въ большемъ, хорошо обставленномъ кабинетѣ хозяинъ сидѣлъ въ кожаномъ креслѣ, распѣвалъ надтреснутымъ баритономъ «Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ облакамъ» и неумѣло подбирая акомпаниментъ на плохо настроенной гитарѣ. Здѣсь пришлось Копьеву посидѣть.

1) См. «Воен. Сборн.». № 3.

Георгія. Какъ же вы это мнѣ ничего не сказали о томъ, что вашъ сынъ просится ко мнѣ на службу?.. У меня уходитъ конторщикъ, и на мѣсто его я просилъ прислать другого. Самъ терпѣть не могу выбирать служащихъ. По мнѣ, кого хочешь—назначай, я за нихъ не отвѣчаю. Получаю письмо, что назначается Копьевъ, не помню какъ его зовутъ, но Кондратьевичъ и потомъ изъ правленія прибавляютъ, что очень просился въ Кутанъ для совмѣстнаго жительства съ отцомъ. Отчего же вы меня не предупѣдомили.

Старикъ такъ и обомлѣлъ отъ этого новаго извѣстія о нашествіи внутренняго врага. Онъ быстро, несвязно передалъ Зейдлицу свою семейную драму.

— Вотъ подлець!

Брезгливо подвѣлъ итогъ Зейдлицъ.

— Въ завѣщаніи, конечно, я о немъ и не упомяну.

— Кому же вы оставляете свое имущество?

— Видите ли... Я хочу, знаете-ли, такой, какъ вамъ сказать, дѣтскій садъ устроить. Видите ли... иностранные языки нужно съ самага ранняго дѣтства начинать. Правда? Ну, вотъ дѣтскій садъ для своего, знаете, для полка, для дѣтей, конечно. Оно, знаете, необходимо.

— Почему необходимо?! Неожиданно для Копьева возразилъ Зейдлицъ. По моему офицеры должны быть холостые, всѣ холостые. Жена, дѣти—баластъ, ко дну тянутъ. Если бы у меня было состояніе, я бы оставилъ какъ премію—за стрѣльбу, за ѣзду, за гимнастику и при томъ исключительно холостякамъ. Не иначе, какъ холостякамъ, категорически протестовалъ Зейдлицъ.

— Вы меня простите, болѣе мягкимъ голосомъ произнесъ онъ, я не позволю себѣ уколоть васъ. Скажите—вы, напимѣрь, не раскаиваетесь развѣ что женились? Смѣло говорю такъ потому, что самъ поплатился. Здѣсь никто не знаетъ, а вѣдь я тоже былъ женатъ... Да. Изъ за жены кампанію прозѣвалъ, лежалъ на печи, охранялъ ея покой, медовый мѣсяцъ чуть не годъ справлялъ... А потомъ когда чувство подсохло, отошло, я ей все это на счетъ поставилъ, она тоже... когти показала, — мы и разбѣжались. — Видѣли? Чай приносила Амалія, экономка... И достаточно.

— Не согласенъ, не могу согласиться... Горячо заговорилъ Копьевъ. Онъ не ожидалъ выслушать неодобреніе своему плану, и сначала растерялся, но затѣмъ вскипѣлъ. Очень уже задѣло его сердце.

— Вы думаете я тоже не примѣрялъ и такъ, и этакъ? Заговорилъ нервно подполковникъ. Примѣрялъ, знаете... Мнѣ не слѣдовало жентиться, потому что... ну да потому что на долго женщину не могъ я заворожить... Дикій и необразованный... И все таки жена со мною поступила честно, не обманывала... Вотъ вы говорите, что семья тамъ, жена; дѣти ко дну тянуть, на печь заставляють ложиться. Вѣдь это такъ только издалека кажется, а по моему совершенно-съ обратно, и въ маленькой странѣ это виднѣе, потому опасность ближе къ дому. Вы возьмите, на примѣръ нашихъ горцевъ. Ужъ какъ они дрались, какъ защищались—весь свѣтъ знаетъ. И сколько лѣтъ... Что же мѣшали имъ жены и дѣти?! Нѣтъ, знаете, не мѣшали, а помогали. Думаю, не будь женъ, не будь семействъ, такъ и войны бы не было. Кого защищать? Обижаютъ. Плюнулъ, да и ушелъ подальше. А есть семья—такъ запоешь пѣсню другую. Насѣдка и та при видѣ врага какимъ орломъ носится. Ужъ не знаю, какъ вамъ яснѣе свою мысль сказать, а только вѣрно говорю, Ей Богу! А потомъ возьмите—то, во всякомъ дѣлѣ порода много значить. Спорить нельзя противъ породы... Теперь и возьмите, если породы имейно отъ воиновъ—то и не будетъ. А?! Тупого на бѣгъ производителя въ хорошій табунъ не пускають, потому бояться за породу. По вашему же выходитъ, что на людскую породу оставлять только смиреннькихъ, да тихонькихъ. Какъ же это можно! Испортите армію, духъ выгоните вонъ...

— Однако вы, Кондратій Ивановичъ, оказываетесь адвокатъ. Представьте, я никогда не углублялся въ этотъ вопросъ, а съ перваго раза мнѣ казалось ясно какъ день, что офицеръ долженъ быть холостымъ.

— Я еще не все сказалъ. Чистота, на примѣръ, развѣ это не важно. Чистота то есть нравственная. Вѣдь отъ солдата требуется воздержаніе и отъ пьянства, и отъ разврата. Что же офицеру все это дозволяется?! А если дозволяется, то солдаты этого не видятъ и не обсуждаютъ? Самъ солдатскую шинель проносилъ сколько лѣтъ и хорошо знаю, какъ они смотрятъ на это. По моему офицеръ долженъ себя соблюдать, какъ стеклышко хрустальное, тогда ему и другое почтеніе и уваженіе и отъ солдата, и отъ постороннихъ.

— Милый Кондратій Ивановичъ, простите за вопросъ. Что вы не пьете я знаю, но вѣдь по женскимъ дѣламъ не могли же вы... такъ святымъ и прожить послѣ того, какъ разошлись съ женой. Простите ради Бога за неумѣстное любопытство.

— Что же, я отвѣчу. До жены былъ у меня всего одинъ случай, а потомъ кромѣ жены—другой женщины никогда не зналъ. Хотите вѣрьте,—хотите—нѣтъ. Обращаться къ потеряннымъ дѣвицамъ—противно, совращать замужнихъ—еще гаже. По моему такъ... И Копьевъ всталъ.

— Ну, вы и кремень же. Спасибо за урокъ, безъ ироніи говорю. Завтра явлюсь подписывать завѣщаніе, на страхъ врагамъ Россіи будемъ укрѣплять нравственность.

— Вѣрно говорите. Если офицеръ будетъ знать, что жена и дѣти его обезпечены сколько нибудь, война его только порадуетъ. Можетъ быть съ моей легкой руки другіе постараются сдѣлать побольше на поддержку офицерскихъ семействъ, надевая въ передней пальто, заканчивалъ разговоръ удовлетворенный Копьевъ.

Послѣ ухода старика къ Зейдлицу зашла за приказаніями улыбающаяся красивая экономка, но моментально вылетѣла отъ рѣзкаго окрика хозяина, ходившаго большими шагами по кабинету съ озабоченнымъ, нахмуреннымъ лицомъ.

«Ахъ, чортъ!.. Старикъ правъ кажется». Вертѣлось у него въ головѣ, и вставалъ въ его памяти мало обоснованный разрывъ съ женой... «Ахъ чортъ»!..

Долго еще въ кабинетѣ раздавались сердитые возгласы взбужденнаго хозяина.

На другой день Софья Петровна встала рано и побѣжала на базаръ покупать провизію. Солнце недавно поднялось, еще не припекало, съ моря тянуло соленымъ вѣтеркомъ. Акушерка захватила съ собою и горбатаго старика—татарина, проживавшаго въ маленькой конуркѣ Копьевскаго сада въ роли сторожа, дворника, садовника и лакея. Абдуль, недовольный, что потревожили его сонъ, сумрачно переступалъ съ корзинкой въ рукахъ. На площади Софья Михайловна встрѣтила Насыпайко.

Сдвинутая на затылокъ фуражка, припадающая на лѣвую ногу поступь, увѣсистый ягдташь,—показывали, что Тарасъ Петровичъ уже возвращается съ охоты.

— Для Копей Иваныча старался. Фа-зан-чика какого досталъ, мое почтеніе! Перепелочки тоже есть. Вы ихъ, Софья Михайловна, въ паштетъ. Объядѣніе будетъ... Юфь! Юфь!

— Вотъ спасибо. А напѣ то, кажется, и не ложился. Абдуль говорить, что всю ночь свѣтъ въ окнѣ у него видѣль.

— Станеть Абдуль ночью смотрѣть въ окно. Храпѣль, вѣроятно, и приснилось ему.

— Зачѣмъ храпѣль? У меня жена молодая... Пѣтухъ кричалъ, полковникъ въ садъ ходилъ, неожиданно отозвался татаринъ.

— Ну, вотъ онъ тебя и разбудилъ. Знаемъ мы сторожей... Что то очень разфорсился Кондратій, не ѣсть, не спить, вѣдь ровесникъ мнѣ.

— Да и вы то, должно быть, темной ночью отправились на охоту.

— Эхъ вы, простота. Такъ вѣдь это о-хо-та!.. Понимаете! Охотой всякая болѣзнь проходить. Сейчасъ; напримѣръ, усталъ я, а ничего. Приду домой, стаканчикъ—другой матрасинскаго выпью, закушу хорошенько и на боковую, до вашего обѣда. Явлюсь имянинникомъ. Охота— не сушить головы, жизнь даетъ. Уѣдетъ Кондратій, такъ я съ горя на недѣлю закачусь къ брату Гамзата, на кабановъ. И охота же тамъ!.. Въ запрошломъ году я тамъ убилъ... Вамъ торопиться нужно. Ну, простите стараго хохла, заболтался. Да! Къ вамъ прійдетъ помочь по хозяйству Марія Николаевна.

Тарасъ Петровичъ выложилъ дичь въ корзину Абдулы и направился домой. Уставшему охотнику рисовалась картинка близкаго домашняго уюта, но ему перегородилъ дорогу Зейдлиць.

— Спозаранку же вы гулять собрались,—привѣтствовалъ Насыпайко банковскаго агента.

— Ночь на пролетъ не спалъ. Вчера вечеромъ разговорились съ Кондратіемъ Ивановичемъ о нравственности. Я разнервничался, сталъ себя бичевать, откровенничалъ Зейдлиць.

— Вотъ нашли время. Теперь же постъ прошелъ.

— Неужели и юнкеромъ Кондратій Ивановичемъ былъ такимъ отшельникомъ?

— Вы это на счетъ женскаго пола. Ну и философія!... Юнкеромъ? Юнкеромъ я его помню все въ походахъ, въ горахъ. Подъ ранцемъ, да на солдатскихъ сухаряхъ не очень-то жиру нагуляешь и все такое прочее... Да и съ кѣмъ?... Въ штабъ-квартирѣ также бывало на этотъ счетъ... тихо. За то же мы и женились рано, по христіански, не какъ вы, петербургскіе господа—подъ старость. Случались, конечно, походы съ нѣкоторыми, ну, да это развѣ можно сравнить съ теперешней распущенностью, когда и жениться

то люди не хотятъ. Сознаюсь, не жилъ я въ деревнѣ, однако, знаю, что хохла безъ жинки—нельзя себѣ и представить. Христиане—по закону и живутъ. Знаете, продолжалъ Тарасъ Петровичъ, бывало и юнкера, если пускались на приключенія, такъ въ тихомолку. Ей Богу конфузились... Копей Иванычъ съ вами откровенничалъ, такъ вотъ ужъ за одно. Вѣдь бѣдняга долго не могъ успокоиться, совсѣмъ было одно время голову потерялъ. А изъ-за чего? Подъ веселую руку товарищъ-юнкеръ затащилъ его въ слободку, гдѣ женатая рота у насъ жила. Хорошо. Было тамъ что,—не было, не знаю, но только приходитъ ко мнѣ Кондратій, лица на немъ нѣтъ. «Я, говорить, такой-сякой, гулялъ въ компаніи съ женой Кистенева». А этотъ Кистеневъ былъ оружейный мастеръ, и мы, охотники, хорошо его знали, славный солдатъ, георгиевскій кавалеръ. «Какъ, говорить, я въ глаза посмотрю теперь Кистеневу? Обмануль сослуживца, своего же солдата...» Такъ то. Какъ такая философія вступить въ голову, станешь отвертываться отъ разврата. И не онъ одинъ брезгалъ женатой слободкой... До увиданія!

— Погодите минуточку, остановилъ Тараса Петровича Зейдлицъ. Хочу вамъ сдѣлать предложеніе. Я переѣзжаю въ Ростовъ, получаю повышеніе. Зять просилъ указать кандидата на мое мѣсто изъ мѣстныхъ лицъ. Не хотите ли, вопреки своихъ правилъ охотно буду рекомендовать васъ своимъ замѣстителемъ. Работу мою вы знаете. Всѣ земли вокругъ и около собственными «цуфусами», какъ у насъ въ полку говорили, измѣрили, справитесь съ дѣломъ лучше меня. Согласны?...

— Спасибо вамъ за доброе мнѣніе обо мнѣ, но куда мнѣ, старь стала.

— Бросьте. Вы молодыхъ за поясъ заткнете.

— Нѣтъ, годы даютъ себя знать. Охъ-хо... хо! А главное: ни на какую службу я не пойду. Если бы давали, не четыре, а десять тысячъ—не пойду. Ей Богу! Сами подумайте: съ царской службы и то ушелъ. Какъ только стукнуло тридцать пять лѣтъ, такъ чокъ въ чокъ и прошеніе объ отставкѣ. Мы, хохлы, хату любимъ, свой вишневенькій садикъ, да хочу роблю—хочу лежу... Много ли намъ со старухой нужно? А тамъ еще прислуживайся, вывертывайся, да непріятности всякія. Врагъ я себѣ что ли? На службѣ получалъ 1,000 р. 83 коп. жалованья и въ отставкѣ—пенсіи только на шестьдесятъ копѣекъ меньше. Видите какъ ловко вышло. Хватаетъ, слава Богу, не голодаемъ. «Самъ соби я голова»!—Весело замурлыкалъ Тарасъ Петровичъ и заковылялъ домой.

Зейлицъ хотѣлъ что-то прибавить, да такъ съ полуоткрытымъ ртомъ и остался. Свойственное ему надменное выраженію исчезло, лицо приняло наивный, чрезвычайно добродушный отпечатокъ.

VI.

Пирь.—Князь Амбадзе.—Телеграма о Ляоянскомъ сраженіи.—Болѣзнь.—Молодой Копьевъ.

Къ 12-ми часамъ стали собираться приглашенные. Неожиданно явился полковникъ князь Амбадзе, небольшого роста, полный грузинъ. Утромъ заходилъ къ нему въ управленіе за бумагами Копьевъ, и князь считалъ необходимымъ отдать визитъ. Многосемейный офицеръ любилъ пожить весело и никакъ не могъ уложиться въ рамки небольшого жалованья. Свой виноградникъ въ Телавскомъ уѣздѣ и кое-какое приданое жены онъ давно проѣлъ. Надѣлалъ долговъ сверхъ головы, не было, кажется, въ городѣ лавочника, которому онъ не былъ долженъ. Не глупый и распорядительный въ тревожное время, не любилъ себя утруждать текущими канцелярскими дѣлами, довѣрялъ вполне дѣлопроизводителю. По слухамъ, въ послѣднее время обнаружили въ дѣлахъ управленія досадные беспорядки, и князю угрожалъ судъ. Однако, онъ, по прежнему, не унывалъ, съ удовольствіемъ продолжалъ пировать въ гостяхъ, охотно угощалъ и у себя, устраивалъ пикники «къ роднику» и «на переваль». Несмотря на бочки выпитаго кахетинскаго, князь сохранилъ сильный голосокъ, и на мѣстныхъ пирушкахъ подъ его дирижерствомъ устраивался обыкновенно любительскій хоръ.

Софья Петровна, не надѣясь на догадливость Кондратія Ивановича, поманила его пальцемъ и за дверьми посовѣтовала пригласить князя пообѣдать, «а то, шептала она, выйдетъ неловко. Въ домѣ гости, столъ накрытъ».

Веселый грузинъ не заставилъ себя упрашивать.

— Эхъ, жалко, Гамзатъ уѣхалъ. А то какъ бы вышло отлично: москаль, хохоль, грузинъ, армянинъ, татаринъ,—загибая пальцы подсчитывалъ Насыпайко. Всѣ захохотали.

— Прибавьте,—у меня мать полька, да еще Зейдлицъ нѣмецъ, замѣтилъ Суровцевъ.

— Пожалуйста меня въ инородцы не записывайте, улыбаясь, но рѣзкимъ голосомъ запротестовалъ запоздавшій гость.

— Господа, какъ хотите, сперва нужно обѣдать. Завѣщаніе успѣете написать послѣ, а то пирогъ у меня перепечется,—рѣшительно заявила Софья Петровна, раскраснѣвшаяся передъ печкой. вмѣстѣ съ ней ворвалась изъ кухни волна воздуха, насыщеннаго запахомъ жареной дичи и еще чого-то вкуснаго. Князь, предвкушая угощеніе, потеръ руки и многозначительно крикнулъ.

— Завѣщаніе готово, только вотъ помарки есть.

— Переписать непременно надо, съ помарками не полагается.

— Послушайте, Кондратій Ивановичъ, возвысилъ голосъ князь.

Давайте я вамъ въ одну минуту напишу и всего двѣ строчки: «Все движимое и недвижимое завѣщаю князю Захару Захаровичу Амбадзе. Точка и дѣлу конецъ. Вотъ бы тогда кредитъ мнѣ открылся!..

— Ахъ, и веселый же право князь. Завидую. Я думаю такъ, Кондратій Ивановичъ, сейчасъ можно подавать обѣдъ, а Сережу мы засадимъ переписывать. Онъ вѣдь очень четко можетъ списывать, предложила Софья Петровна.

— Такъ-то оно такъ, а какъ опять придется еще передѣлывать. Лучше прочтемъ сначала. Правда Кондратій?—спросилъ Тарасъ Петровичъ. По случаю знаменательнаго событія Насыпайко прифрантился какъ къ Свѣтло-Христовой заутрени.

Копьевъ, не привыкшій принимать гостей и взбудораженный крайне послѣдними событіями, выглядывалъ совершенно растеряннымъ, соглашался на все.

— Да, я то старый, и позабылъ,—спохватился Насыпайко. Прежде всего, раньше завѣщанія, честь имѣемъ поздравить тебя Кондратій Ивановичъ подполковникомъ на дѣйствительной службѣ. Расправивъ свои усы, торжественно провозгласилъ Тарасъ Петровичъ.

Князь громко затянулъ — «Мраваль-джаміэ». Всѣ стали усердно подтягивать. Софья Петровна заторопилась наполнить стаканы виномъ. Среди излюбленныхъ мотивовъ Зейдлица была и грузинская задравная пѣснь. Онъ съ удовольствіемъ присоединился къ хору, стараясь оканчивать по церковному въ октаву. Лютеранинъ по вѣроисповѣданію, онъ посѣщалъ лишь православную церковь и всегда подпѣвалъ пѣвчимъ.

Кондратій Ивановичъ торопливо чокался и скороговоркой благодарилъ гостей.

Когда хоръ смолкъ, Зейдлицъ хотѣлъ еще повторить задравную пѣснь, но голосъ его зазвучалъ одиноко и сиротливо смолкъ. Онъ разсердился и надулся.

Приступили къ чтенію завѣщанія. Кондратій Ивановичъ переименовалъ со всѣми подробностями всѣ разновременно выданныя банковскія свидѣтельства на храненіе его капиталовъ. Въ суммѣ выходило восемнадцать слишкомъ тысячъ рублей.

Герой завѣщанія сидѣлъ понурый, осунувшійся, постарѣвшій. Онъ болѣзненно почувствовалъ, что чтеніе завѣщанія встрѣчено равнодушно.

Сколько лѣтъ Копьевъ свято хранилъ свою тайну, берегъ и вынашивалъ ее у своего сердца. Незамѣтно, мало по малу, привязался къ денежному капиталу, какъ къ дорогому своему собственному произведенію. Не будь этихъ накопленныхъ чрезвычайнымъ воздержаніемъ крохъ, чѣмъ бы онъ отличался отъ самыхъ праздныхъ обывателей. Такія мысли бродили у него въ головѣ. «Вотъ Тарасъ,—тотъ церковь украсилъ, хорошихъ пѣвчихъ завелъ, школу устроилъ, порядокъ въ городѣ наводитъ. Софья Петровна дѣтей вывела, сына какого воспитала. Зейдлицъ и тотъ Мамаевское имѣніе устроилъ». Кондратій Ивановичъ много лѣтъ убѣжденъ былъ, что дѣлаетъ большое дѣло, а теперь, когда наступаетъ развязка, когда секретъ его сталъ общимъ достояніемъ, замѣтное равнодушіе окружающихъ къ существованію его задачи обдало его холодной водой. Всѣ усилія принести обществу пользу показались теперь ему самому такими ничтожными, мизерными. Въмѣсто чувства гордости въ душу сталъ заползать стыдъ...

— Охота держать деньги въ —скомъ банкѣ,—замѣтилъ Зейдлицъ.

— Развѣ [ненадежно?!—испуганнымъ голосомъ спросилъ Копьевъ.

До сихъ поръ, пока онъ не открывалъ секретъ своего капитала, ни съ кѣмъ не совѣтовался, куда помѣщать сбереженія. Единственнымъ его финансовымъ агѣнтомъ оставался попрежнему швейцаръ X—го банка. Сомнѣній о солидности учрежденія у него не возникало никогда; со словомъ—банкъ, ему представлялось нѣчто незыблемое, непоколебимое.

— Разное болтаютъ. Во всякомъ случаѣ я бы посоветовалъ вамъ перевести вкладъ въ Государственный банкъ.

— Какъ же это сдѣлать? Завтра на войну уѣзжаю.

— Не пугайте вы Кондратія. Смотрите, поблѣднѣлъ какъ.

— Долженъ же я предупредить.

— Читайте дальше, слышались голоса. Но Копьевъ не успокоился и нервно подергивалъ свою бородку.

Всѣ деньги, которыя останутся послѣ смерти Копьева, онъ завѣщалъ обществу офицеровъ своего родного — скаго полка, съ обязательствомъ на проценты устроить дѣтскій садъ для офицерскихъ дѣтей, главнымъ образомъ въ цѣляхъ практическаго изученія французскаго и нѣмецкаго языковъ.

— Хватить ли денегъ?

— Много ли нужно! Гувернанткѣ-иностранкѣ рублей пятьсотъ-шестьсотъ, учительницѣ русской—триста, помещеніе для занятій полкъ дать, подсчитывалъ Тарасъ Петровичъ.

— По моему, право лучше князю завѣщать. По крайней мѣрѣ быстро цѣнности перемѣстятся по истинному назначенію, подалъ свое мнѣніе Суровцевъ. Зачѣмъ устраивать оранжерейный какой-то питомникъ? Для искусственнаго вскармливанія новыхъ господчиковъ? Ваши птенцы съ французскимъ языкомъ будутъ развѣвать ротъ на казенный коровай еще больше, чѣмъ мы это въ свое время дѣлали. Стоитъ хлопотать изъ-за подготовительнаго пансіона въ кадетскій корпусъ или институтъ для благородныхъ дѣвицъ! горячился Суровцевъ. Въ послѣднее время онъ сталъ особенно рѣзко подчеркивать свое несочувствіе къ буржуазной морали.

Кондратій Ивановичъ какъ-то сгорбился, точно его кто придавливалъ къ землѣ.

— Ну, нашли совѣтниковъ... Вотъ соберите деньги, тогда и распоряжайтесь. Какъ это еще Вартановъ не предложилъ своего проекта? Удивительно! отозвался князь.

— Не зналъ, душа моя, о завѣщаніи. Предложилъ бы свою редакцію. И сейчасъ еще могу. Про домъ-то свой Кондратій Ивановичъ забылъ упомянуть — вотъ въ немъ и устроить дѣтскій садъ.

— А тебѣ поручить приспособить и отремонтировать его. Ну, и народецъ же..., размѣялся Насыпайко. Полкъ —скій гдѣ стоитъ? За пятьсотъ верстъ отсюда. Что же дѣти будутъ летать оттуда по воздуху къ намъ ежедневно. А во вторыхъ—слушай дальше.

Чтеніе продолжалось.

Домъ предоставлялся въ пожизненное пользованіе Софьѣ Петровнѣ Дольской, а послѣ ея смерти переходилъ въ полное распоряженіе общества офицеровъ — скаго полка для подкрѣпленія средствъ капитала дѣтскаго сада.

Софья Петровна, услышавъ о себѣ, растрогалась и заплакала отъ удивленія.

— Я проще дѣлаю, безъ завѣщанія, не плачу за квартиру и баста. Весело объявилъ князь, и, судя по смѣху, все видимо остались довольны такимъ отношеніемъ къ домовладѣльцу.

— Господа пирогъ на столѣ! Пожалуйте. Пригласила на этотъ разъ уже Марья Николаевна. Тарасъ зови-же, видишь хозяинъ точно въ воду опущенный.

Вкусный, подрумяненный, съ хрустѣвшей на зубахъ слоеной тонкой корочкой, пирогъ такъ и таялъ во рту.

— Не даромъ говорится—якъ ковбаса да чарка—минуетъ всяка сварка. Весело проговорилъ Насыпайко.

— Минуетъ, минуетъ! Громко повторилъ князь, опорожнилъ залпомъ стаканъ краснаго вина и протянулъ его къ Насыпайко, который сейчасъ же наполнилъ его до краевъ.

— Георгій Альбертовичъ! А вы пирожка? Обратилась Софья Михайловна къ Зейдлицу, который ничего не ѣлъ.

— Мнѣ нельзя ѣсть ничего ни мучного, ни сладкаго.

— Вы начиночку скушайте, удалась очень. Угощала Марія Николаевна.

— Георгій Альбертовичъ, почти просительно обратился хозяинъ. Какъ же мнѣ быть? Посовѣтуйте.

— Дайте довѣренность комунибудь на полученіе вклада, купите ренту что-ли и внесите въ Государственный Банкъ на храненіе.

— Не было печали... У меня съ Маріей Николаевной никогда не водилось капиталовъ—мелочь одна... Ей Богу. И горюшки мало. Никто не украдетъ, засмѣялся Насыпайко.

— Рента трещить теперь по всеѣмъ швамъ. Видѣли по газетамъ, какъ съѣхала здорово. Задорно—весело, точно паденіе государственныхъ бумагъ доставляло ему большое удовольствіе, вмѣшался въ бесѣду Суровцевъ. Лопнетъ-ли частный банкъ не знаю, а что государственный—обанкротится, такъ это—какъ пить дать. Вопросъ лишь времени.

— Что же мнѣ въ самомъ дѣлѣ предпринять? Растерянно обращался ко всеѣмъ Копьевъ.

— Я вамъ сказалъ бы куда деньги, да все равно не послушаете... Загадочно замѣтилъ Суровцевъ. Кожа на головѣ его задвигалась, и довольно симпатичное лицо вдругъ сдѣлалось спирѣнымъ.

— Ой, и ежъ же Петя! Какъ онъ на ссыльнаго дядю своего сталъ похожъ. Помните Брженецкаго? Шепнулъ сосѣду Тарасъ Петровичъ.

Кондратій Ивановичъ безпомощно озирался, ожидая совѣта.

— Развѣ можно обращать капиталъ въ ренту? 4% получать. Да я вамъ сейчасъ 8%, 10% устрою! Клянусь Богомъ устрою! Бабаевъ ватагу снялъ, ищетъ денегъ подъ вѣрное обезпеченіе. Давайте устрою мигомъ. Заерзалъ на стулѣ Вартановъ, собираясь «между прочимъ», устроить пріятелю заемъ.

— Ой, Кондратій, не поддавайся. Буркнулъ Насыпайко.

— Я вѣдь не процентщикъ, не живодеръ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Не для Васъ же, для офицерскихъ дѣтей. Подумайте на капиталъ можно получать двѣ тысячи, это не теперешніе девятьсотъ, не восемьсотъ рублей. Тогда уже такой садъ устроите—антикъ!..

— Ароматычный и симпатычный! Слушайте его. Прибавилъ съ хохотомъ князь.

— Ну и Вы, Ваше Сіятельство... въ министры финансовъ не годитесь, язвительно замѣтилъ возбужденный Вортановъ.

На минуту всѣ примолкли. Амбадзе покраснѣлъ, глаза его налились кровью.

— За будущихъ наслѣдниковъ и за долголѣгіе хозяина! Подняла стаканъ добрая Марія Николаевна, почувствовавшая грозу въ воздухѣ.

И опять загремѣло «Мраваль джаміэ». Зейдлицъ, отказывавшійся сначала отъ пирога, попробовавъ начинки, съѣлъ все дочиста на тарелкѣ и самъ уже положилъ себѣ еще большой кусокъ. Съ нѣмъ это случилось частенько. Ълъ и жаловался сосѣдкѣ на свои болѣзни.

— Поднимаю бокаль... Началъ рѣчь вставая раздурманенный князь.

— Стаканъ, а не бокаль, Поправлялъ Вартановъ. Раздалися возгласы— «Не мѣшайте»...

Амбадзе блеснулъ глазами на архитектора и продолжалъ.

— Поднимаю бокаль, кланяюсь старому боевому кавказцу отъ истиннаго, отъ горячаго грузинскаго сердца, желаю ему вернуться съ войны съ Георгіемъ на шеѣ и командиромъ полка. Ура!..

Загремѣли стулья, всѣ направились чокаться съ подполковникомъ.

— Эхъ, господа, надо было князя тулумбашемъ выбрать.

— Слушайте! слушайте! Кондратій Ивановичъ говорить.

— Вотъ, знаете,—спасибо за пожеланіе. Что же. Я конечно какъ умѣю, на войнѣ то есть... Хотѣлось мнѣ помочь родному офицерству, капиталъ собиралъ, да вотъ вижу, что-то не выходитъ... Конечно хотѣлось какъ лучше. Ну, не задачливый я... Хвататься не буду, хотя и инвалидъ, постараюсь однако въ арміи не подгадить. Будьте здоровы!

Рука Копьева сильно дрожала, и онъ съ большимъ усиліемъ поднесъ къ губамъ стаканъ.

Гнзья высоко затынулъ «Мраваль джаміа, но не вытянулъ и оборвался. Здравнца не вышла. Что то тяжелое и холодное пронеслось по комнатѣ...

«Что со мной будетъ?! Что со мной будетъ? Прошлый мѣсяць опять на три фунта прибавилъ. Ожирѣніе сердца»... Стонать Зейдлицъ.

Подали супъ—чехертму. Застучали тарелки и ложки.

— Юфъ! Юфъ!.. Восхищался Тарасъ Петровичъ, стараясь поднять упавшее сразу настроеніе.

— Что тебѣ Сережа? Вскочила Софья Петровна со стула, зайдѣвъ сына.

— Пе-пе-ри-салъ... Занкаясь и путая слоги доложилъ больной юноша.

— Молодецъ! Чисто награвировалъ, залюбовался почеркомъ Тарасъ Петровичъ.

Въ эту минуту въ окошко постучалъ мальчикъ-газетчикъ и закричалъ: «Телеграмма изъ арміи! Куропаткинъ разбитъ на голову».

Сегодня какъ то всѣ, занятые завѣщаніемъ, мало думали о войнѣ, совсѣмъ не говорили о кипѣвшемъ у Ляояна сраженіи. И вдругъ такое страшное извѣстіе, совершенно расхолодившееся со вчерашними побѣдными телеграммами.

Нѣсколько рукъ сразу протянулись къ окну за сѣрыми, безграмотными листками, напечатанными жирнымъ шрифтомъ.

— Не можетъ быть?!

— Это чортъ знаетъ, что! Срамъ!

— Да вѣдь вчера еще писали о побѣдѣ.

— Хорошо справили побѣду. На славу.

Слышались возбужденныя восклицанія. Суровцевъ, такъ скептически на словахъ относившійся къ арміи, кипятился больше всѣхъ. Гнзья Амбадзе почувствовалъ необходимость что то пред-

принять. Онъ быстро нацѣпилъ снятую передь обѣдомъ пашку, глубоко нахлобучилъ на голову фуражку, приложилъ руку къ козырьку и унесся иноходью въ свое управленіе.

Зейдлицъ схватилъ Тараса Петровича за пуговицу и настойчиво напоминалъ ему свой отрицательный отзывъ о Куропаткинѣ.

Кого же назначить? По Вашему вѣдь все начальство никуда не годится. Да, что тутъ толковать о томъ—кто виновать... Бѣда для всѣхъ и срамъ же какой передь туземцами.

— Надѣюсь насъ вы не считаете за чужихъ? Съ большимъ достоинствомъ сказалъ Вартановъ.

Всѣ встали изъ за стола, только хозяинъ продолжалъ сидѣть, наклонившись надъ роковой телеграммой.

— Что это будто Кондратію Ивановичу не хорошо. Шепнула Марія Николаевна мужу.

Лицо Копьева не нормально покраснѣло и перекосилось. Тарасъ Петровичъ подошелъ къ пріятелю, тронулъ за плечо. Тотъ замычалъ и замахалъ беспомощно рукой, сисясь опереться на столъ.

— Господи! Что же это?! Почти въ одинъ голосъ воскликнули обѣ дамы и принялись приводить хозяина въ чувство домашними средствами. Суровцевъ бросился за докторомъ.

Насыпайки остались ухаживать за больнымъ. Зейдлицъ почувствовалъ припадки печеночныхъ коликъ, желтый и раздражительный, опираясь на руку Вартанова, поплелся домой.

На улицѣ жизнь продолжала идти своимъ чередомъ. Газетчики пробѣжали, крикъ ихъ замеръ, и ничто больше не указывало на ту страшную драму, которую съ этого дня стала переживать Россія... И небольшой домикъ Копьева, какъ и вчера, какъ и часъ тому назадъ, выглядывалъ все такимъ же спокойнымъ, невозмутимымъ, ничѣмъ не свидѣтельствовавъ о страданіяхъ, испытываемыхъ его хозяиномъ.

Почти вслѣдъ за докторомъ въ домъ появился незнакомый господинъ, юркій брюнетъ, и смѣло прошелъ въ комнату больного. Копьевъ, лежавшій лицомъ къ дверямъ, первый увидѣлъ его. Онъ съ ужасомъ вперилъ въ него тусклый взглядъ и замычалъ— Гиле...

Тарасъ Петровичъ вскочилъ со стула удивленный появленіемъ незнакомца.

— Вамъ что угодно? Рѣзко спросилъ онъ.

— Здѣсь мое мѣсто. Я—Копьевъ.

Не успѣлъ онъ отрекомендоваться, какъ Насыпайко понялъ уже съ кѣмъ имѣеть дѣло, понялъ и восклицаніе, вырвавшееся у бѣднаго пріятеля. «Вылитый нашъ полковой докторъ Гилерсонъ», мелькнуло въ головѣ. Тарасу Петровичу ударила кровь въ голову, и онъ, не отдавая себѣ отчета въ поступкѣ, схватилъ за шиворотъ нахала и сильнымъ толчкомъ выпроводилъ его на крыльцо...

Абдула по собственной инициативѣ всю ночь проводилъ безъ сна на крылечкѣ. Татаринъ ничего не говорилъ, но видимо чрезвычайно удрученъ былъ тяжелой болѣзнью хозяина.

Копьева разбилъ параличъ; онъ безсвязно что-то лепеталъ и какъ ни старались прислушаться, но ничего не могли понять, кромѣ словъ въ родѣ «пропало, все пропало» и то разобранныхъ по догадкѣ Насыпайки. Кондратію Ивановичу предлагали писать, бѣдняга выводилъ какія то каракули. Тяжело было смотрѣть на страдальца. Доктора находили, что въ такомъ положеніи несчастный можетъ протянуть долго.

Завѣщаніе такъ и осталось неподписаннымъ.

Зейдлициъ призвалъ къ себѣ молодого Копьева и властнымъ голосомъ объявилъ ему, что старикъ Копьевъ составилъ завѣщаніе, и всѣ увѣрены, что Копьевъ—младшій не позволитъ себѣ нарушить послѣднюю волю уважаемаго всѣми человѣка.

— Я имѣю свѣдѣнія, что Кондратій Ивановичъ, въ послѣднихъ своихъ словахъ, въ рѣчи имъ произнесенной на обѣдѣ, какъ-бы отказывался отъ мысли завѣщать полку капиталъ. Слѣдовательно и нравственнаго, такъ сказать, обязательства нѣтъ, имущество должно единственно перейти по закону ко мнѣ.

Такъ почтительно, но рѣшительно выступилъ за свои «законныя» права новый подчиненный Зейдлица.

Но пока права его были въ туманѣ. Онъ не смѣлъ даже заглянуть въ домъ изъ боязни встрѣтиться съ грознымъ арендаторомъ, Тарасомъ Петровичемъ. Варгановъ сдержалъ свое обѣщаніе, данное Копьеву на дорогѣ въ вагонѣ. Въ день несчастья онъ еще передъ обѣдомъ успѣлъ оформить условіе объ арендѣ дома. Насыпайко пока могъ оберегать покой стараго пріятеля.

Свѣдѣнія о плохихъ дѣлахъ—скаго банка подтверждались. Молой Копьевъ казнился, поджаривался на сковородѣ, ежедневно бѣгалъ къ доктору за справками о ходѣ болѣзни. Состояніе здоровья Кондратія Ивановича оставалось безъ перемѣны.

Наслѣдникъ началъ дѣло объ учрежденіи опеки.

В. С. Кривенко.

Т.С.